

Иван Наживин

КРУГИ ВРЕМЕН

ANNO DOMINI 1947

Вторая великая европейская война, наконец, кончилась. В одном из роскошных зал Дворца Мира в Гааге собралась международная мирная конференция: корректные, несмотря ни на что, дипломаты, много военных и несколько даже дам-делегаток из передовых государств. Это было уже не первое заседание. Сговориться державы никак не могли, и настроение все более и более повышалось, чему немало способствовали и беспрерывно получаемые радиостанцией дворца тревожные телеграммы со всех концов мира, которые то и дело появлялись на большом экране за креслом председателя. Последняя телеграмма гласила: «Вашингтон. — Американский флот обстреливает прибрежные города Китая и Японии. Нагасаки в огне».

— Германия никогда не признает туманного исторического принципа, ибо в войне она признает только один принцип: тяжелый германский меч!.. — при все возрастающем волнении в зале сурово и властно говорил представитель Германии, кн. Гогенлоэ, седой тяжелый генерал с густыми

усами. — Мы уже объединили под своей властью все немецкие земли Европы, теперь Германия-победительница стоит пред осуществлением последних двух пунктов своей военной программы: возвращение отнятых у нее по версальскому договору колоний и приобретение свободного выхода в океан чрез Антверпен — с одной стороны и возмещение ее военных убытков в виде соответствующей контрибуции — с другой. И для того, чтобы не слишком далеко углубляться в праздные разговоры, я уполномочен Императором заявить, что в осуществлении этих двух основных пунктов Германия не остановится даже пред третьей мировой войной...

Бледный и корректный, лорд Динсфильд заявил:

— Англия без колебания принимает вызов. Там, где должно царить право, не место мечу.

— О!.. А Ирландия?.. — крикнула среди возбужденного шума седая, сухонькая г-жа Гюрцеллер, делегатка Швейцарии.

— Внутренние дела Великобритании не подлежат обсуждению конгресса... — холодно ответил лорд Динсфильд.

— Господа... — встав, взволнованно проговорил кардинал Маццинн, высокий, плотный, в красном одеянии. — С величайшей скорбью я, представитель Святейшего Престола, вижу, как

мало среди нас единения, мира, желания идти на взаимные уступки... Особенно это ужасно теперь, когда всему христианскому миру грозит такая страшная опасность. Многие из нас склонны легкомысленно преуменьшать значение вторжения панмонгольских сил в пределы России. Спорить из-за какой-нибудь пустяшной области, когда головные разъезды монголов перевалили уже чрез Урал — посмотрите на карту и вы поймете, что это значит... — в этом я вижу, простите меня, внушающее мне ужас легкомыслие... Агенты Императора Монголов на работе везде и всюду и вот, смотрите, — указав на экран, воскликнул он, — радио извещает нас, что появились уже отряды каких-то азиатов и на границах Кавказа. «Азия для азиатов» это было, конечно, только начало и теперь это уже совершенно ясно. Посмотрим правде в глаза прямо: с одной стороны стоит старая Европа, только что пережившая тяжкую, долголетнюю войну, Европа, только что начинающая приходить в себя после долгого ряда всяких социалистических «опытов», вконец расшатавших ее хозяйство, Европа, мятущаяся в иступленных распрях, Европа голодная, раздетая, поражаемая эпидемиями, усталая, измученная, с упавшим до последней степени производством, с миллионами безработных, Европа, где нет в то же время сырья для фабрик и где за отсутствием

топлива умирают последние железные дороги, Европа, охваченная чисто апокалипсическими бедствиями, а с другой стороны — бесчисленные, как песок морской, объединенные ненавистью к европейцам, народы Азии с могущественным императором монголов во главе. Представьте себя бесконечные миллионы этих воинов, которые довольствуются горсточкой риса в день, спят где угодно под открытым небом и презирают смерть. Я говорю вам: это новый всемирный потоп, это гибель всего христианского мира, если мы не опомнимся, не объединимся и не пошлем наших крестоносных легионов навстречу Дракону, несущему нам погибель из необозримых степей Азии... Но мы не смеем медлить...

— Я преклоняюсь пред благородным предостережением представителя Святейшего Престола... — вкрадчивым и мягким голосом сказал представитель Франции, г. Бержэ. — Я понимаю его великую тревогу за нашу цивилизацию, но не от Франции, к сожалению, зависит утишить сжигающий старую Европу пожар международной розни. Франция, которая всегда несла во главе народов факел цивилизации, может рассчитывать на некоторую признательность со стороны человечества. Мы готовы отказаться от многого в интересах мира и просим только остаться в границах 1914 г.

— Ого!.. — сухо рассмеявшись, воскликнул кн. Гогенлоэ.

— Вы скоро, однако, забыли Версаль... Где же тогда был ваш факел или как его там?.. Довольно романтической болтовни!.. Вы узнаете теперь силу нашего вновь забронированного кулака!..

Возгорается ожесточенный спор из-за границ между представителем Польши кн. Сапегой, высоким, голубоглазым и пылким, представителем Чехии, д-ром Хлебичеком, толстеньким и лысым, и гр. Карольи, представителем Венгрии, гордым магнатом с длинными каштановыми усами. Председатель, усиленно звоня, едва успокаивает их и дает слово мистеру Кросби, представителю Соединенных Штатов, сухому, длинному, с гладко выбритым лицом, худым и умным, который ограничивается лишь коротким заявлением, что в назревающем, видимо, новом конфликте Соединенные Штаты останутся в стороне, но что морские силы их оказывают и будут оказывать помощь России в ее борьбе с восставшей Азией.

На экране появляется новое радио: «Рим. — Правительство свергнуто. Власть снова захвачена левыми социалистами. В городе уличный бой. Базилика св. Петра горит».

— Вот несчастная страна!.. — воскликнула г-жа Райто-ла, представительница Финляндии, в

золотых очках и полу-мужском костюме. — Она не выходит из крови...

Председатель дает слово представителю России, князю Глебу Суздальскому, молодому гвардейскому генералу с приятным и умным лицом, который много заставил говорить о себе в течение войны и был известен, как горячий патриот и близкий друг молодого императора.

— Господа, мы, кажется, уже забыли о вещи речи представителя Святейшего Престола... — взволнованно начал князь. — И на мне, представителе России, лежит обязанность сказать вам, как глубоко прав высокочтимый кардинал. Оставим наши мелочные споры, господа, и объединимся для отпора общему врагу. Россия под мудрым водительством нашего молодого императора только что начала оправляться от тяжких последствий многолетней гражданской войны, как была снова вовлечена в европейскую войну. На этот раз мы исполнили свой долг до конца и снова стали в наши естественные национальные границы. Теперь на возрождающуюся к новой жизни страну обрушивается новое бедствие, нашествие народов Азии. Господа, припомните: это уже второй раз в истории принимает Россия на себя роль щита Европы, обращенного на восток. Мы выполняем долг наш с честью, но — мы изнемогаем, господа.

В ваших интересах немедленно прийти к нам на помощь, — враг уже у ваших дверей. Если бы вы видели, во что обращена им цветущая Сибирь и вообще те области, который он прошел, вы не колебались бы ни одной минуты... И города, и села, и все, что попадает на пути, стирается им беспощадно с лица земли, все негодное для тяжелых работ население истребляется, а все, что может работать, угоняется в тылы, в черное, беспросветное рабство... Господа, у меня нет слов, чтобы изобразить пред вами весь тот ужас, что свершается там, на востоке... На наших глазах воскресает далекое прошлое, времена Чингис-Хана, времена Атиллы, на взбаламученную, захлебывающуюся в братской крови Европу идет какой-то новый суд Божий. Мы должны забыть все и единой светлой ратью рыцарей без страха и упрека встать на защиту наших очагов и великих идеалов человечности и культуры...

— Обычная русская выпренность и фантазерство. — насмешливо бросил князь Гогенлоэ.

— Нет, эти немцы опять зазнались!.. — вскочив с кресла, воскликнул г. Срб, представитель Сербии, усатый и горячий старик. — Они ведут себя непозволительно...

— Довольно красивых слов!.. — крикнул толстый, жирный и сонный Стамбул-паша.

— Не языком, а мечом на полях сражений решим мы все... — стукнув кулаком по столу, решил кн. Гогенлоэ.

— Но Боже мой!.. А Азия?... А монголы?... — послышались со всех сторон тревожные голоса.

— Не запугаете!.. — крикнул кн. Гогенлоэ. — Десять германских корпусов и от всей этой дикой сволочи не останется и следа...

Тревожный и озлобленный шум усиливался все более и более. Напрасно звонил и уговаривал председатель — его никто не слушал. Делегаты ожесточенно спорили, разбившись на группы. Некоторые искали что-то на большой карте России на стене. Кн. Гогенлоэ, что-то крича, стучал кулаком по столу.

— Великобритания никогда не позволит этого... — твердо и холодно заявил лорд Динсфильд, вставая.

— Мы обойдемся и без ее позволения... — насмешливо отозвался кн. Гогенлоэ.

— Довольно нам вашей опеки!.. — заметил Стамбул-паша, весь бледный, с трясущимися руками.

— В таком случае, — выпрямившись, гордо и торжественно заявил лорд Динсфильд, — именем Его Величества Короля Великобритании объявляю, что с настоящего момента Великобританское

Королевское правительство считает себя в состоянии войны с Германией и ее союзниками...

Зал загудел растерянно и тревожно. Некоторые в отчаянии хватаются за голову. Звонok председателя звонит, не переставая. А на экране выскакивает новое радио: «Петроград. — Головные отряды неприятеля замечены под Пермью. Уфа спешно эвакуируется. С Оренбургом сообщение прекратилось — полагают, что в ожидании главных монгольских сил восстали татары, калмыки и башкиры. Император отбыл на Волгу, чтобы стать во главе вооруженных сил России».

— Господа, это мене-текел-фарес на нашем кровавом пиру!.. — воскликнул князь Глеб, показывая на экран. — Боже, да неужели же это конец Европы?

— У вас слишком слабы нервы, князь... — насмешливо заметил кн. Гогенлоэ. — Обеспечьте нам ваш нейтралитет в новой войне нашей с Англией и завтра же часть наших корпусов будет двинута на Волгу.

— Император России никогда не признает того, что противно справедливости, как ваше требование Антверпена... — отвечал кн. Глеб.

— Ну, так и погибайте с вашим императором!.. — бешено крикнул кн. Гогенлоэ, но в ту же минуту, зловеще щелкнув, на экране появилось новое сообщение: «Петроград. —

Объявлен Императорский указ о всеобщем ополчении. На Кавказе началось восстание всех горных мусульманских племен».

За огромными окнами дворца вдруг послышался тысячеголосый стройный хор. Делегаты бросились к окнам, — вся широкая, прямая и красивая улица была залита многотысячными толпами рабочих, которые шли с красными знаменами и суровыми, торжественными голосами пели:

C'e la lutte finale!
Levons-nous et
demain
L'Internationale
Sera le genre
humain!¹

¹ Цитируется, с небольшими искажениями, оригинальный франц. текст «Интернационала» Э. Потье:

«Время битвы настало
Все сплотимся на бой.
В Интернационале
Сольется род людской!»

(пер. В. Граевского и К. Майского).

ГИБЕЛЬ РОССИИ

Последнее сопротивление русских было сломлено Азией в чудовищной битве под Москвой, где погибла большая часть русского войска с молодым императором во главе. Остатки разбитых корпусов в полном беспорядке отступили за Волгу, в северные леса, где люди тысячами гибли от голода, холода и заразных болезней. А по обожженным, полуразрушенным улицам древней столицы царей московских в дыму догорающих пожаров, в нестерпимом зловонии бесчисленных трупов полились широкие реки монгольского нашествия: стройные железные японские полки, страшные, косоглазые, похожие на старых обезьян китайцы, сибирские инородцы в своих меховых малахаях на маленьких юрких лошадках, татары под зеленым знаменем пророка. Огромные, тяжелые верблюды, как корабли, медленно плыли по этому пестрому взбаламученному морю. Слышится унылая, вся в причудливых завитках, дикая музыка; истерически взвизгивают какие-то дудки, глухо ухаает барабан, печально звенят проволоки оборванного телеграфа. Кто-то гнусаво

поет дикую бесконечную песню... Тянутся огромные толпы пленных и длинные бичи, как змеи, извиваются над их покорно склоненными головами и больно жалят измученное тело. И слышится жалкий плач детишек...

А с востока неудержимо плывут все новые и новые тучи завоевателей...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЕВРОПЫ

Париж горел. Среди туч дыма чуть виднелась острая игла башни Эйфеля, точно вонзившаяся в низкое, раскаленное небо. То и дело глухо ухают страшные взрывы. По заваленному всяким скарбом шоссе в сумерках торопливо бегут, бегут, бегут перепуганные, потерявшие рассудок люди. Часть их, отдыхая, присела на опушке небольшой рощицы. Тут солдаты всех национальностей, духовенство, женщины, дети, рабочие, студенты, гризетки...

— Боже, Боже, когда же конец?... — слышатся голоса замученных беженцев. — Теперь, кажется, скоро, — помощи ждать уже неоткуда. Но где же мои дети, где они, великий Боже?... Я готова принять всякую муку, но дети, дети!.. О-о!..

— Ах, бедная... — участливо вздохнула златокудрая красавица Ирмгард, дочь профессора философии Гэттинген-ского университета Шульца,

который устало сидел тут же, на гнилом пне, заботливо охраняя старенький чемоданчик со своими рукописями. — Как бы помочь ей?

Ответом ей был только страшный взрыв вдали.

— Смотрите, смотрите, это Нотр-Дам взорвали... — слышались испуганные голоса. — Смотрите, какой дым!.. Нет, конец всему!..

— Не тревожьтесь так... — тихо проговорил князь Глеб с окровавленной повязкой на лбу, обращаясь к Ирмгард, которая в отчаянии схватилась за голову. — Вот еще немного стемнеет, и пойдем дальше. Их силы тоже ведь совсем истощены. Среди них свирепствует небывалая чума, а в тылах, по лесам, по горам, в развалинах городов, всюду действуют отряды партизанов, без пощады истребляющих их.

— Вчера я встретила в Париже одного польского графа, который бежал от них из плена, с работ... — тихо сказала Ирмгард. — Он рассказывает, что сзади их настоящая пустыня: Москва, Варшава, Вена, Берлин, все это мертвые развалины, где воют голодные собаки и страшно белеют среди камней скелеты людей...

— Все проходит... Пора привыкнуть к этому и не махать руками, делая страшное лицо... — уныло сказал оборванный, неопрятный старик-швейцарец с большой белой бородой.

— Зачем так? Ни зачем. А зачем все это ни зачем? Неизвестно. О-хо-о-хо...

Снова глухо охнула земля от страшного взрыва и острая игла башни Эйфеля безобразно и страшно повисла вниз. Зарево становилось все багровее и зловещее и тревожные крики не находящих себе пристанища птиц наполняют душу тоской. А по дороге все бегут, все бегут, все бегут испуганные, обезумевшие люди...

— Надо идти и нам... — тоскливо говорит Ирмгард.

— Скоро пойдем... — говорит князь Глеб. — Только надо разбиться на мелкие группы, — так легче и скрываться и найти пищу.

— Да, да, разумеется... — сказал профессор Шульц и воскликнул с тоской. — Ах, Ирмгард, если бы не ты, как все просто решалось бы...

— О, нет... — отозвался итальянец-теософ, высокий человек с водянистыми глазами и козлиной бородкой. — Каждый из нас вечный жид, которому нет покоя во вселенной. Сидеть, бежать, умирать — все равно: страдание не кончается. Спасение в том, чтобы убить в себе само желание жить...

— Какой вредный мистицизм!.. — тихо воскликнул молодой человек.

— Вот еще один! — взглядевшись в него злобно пробормотал пожилой рабочий. —

Доболтались! «Мы создадим для вас рай.». Создали...

— Проклятые болтуны... — зашумела толпа рабочих. — Отдайте нам наши углы, отдайте жен и детей наших, отдайте заводы, где мы находили кусок хлеба... Вы все разрушили, будьте вы прокляты!.. «Братство народов». Ну, а теперь что вы скажете?

— Я не думаю, товарищи, чтобы мы ошибались... — побледнев, отозвался молодой социалист. — Но если бы мы и ошибались, то все же мы не хотели вам зла... Мы боролись за ваше счастье...

Рабочих точно взорвало и, напирая на социалиста, они злобно бросали ему в лицо тяжкие обвинения:

— Знаем, к чему вы стремились... Портфели министерские вы ловили, автомобили, жирные куски за счет нас, дураков... Теперь уж не обманете...

— Они все подкуплены монгольским императором... — крикнул старый рабочий. — Чтобы все разрушить и обессилить нас. А они и у него в автомобилях кататься будут...

Рабочие с яростными ругательствами полезли на социалиста.

— Стыдно!.. — крикнул князь Глеб. — Если у вас есть еще силы, пойдём бить азиатов, а не

беззащитного человека... Не одни они — все мы виноваты...

— Болтуны проклятые... — кричали рабочие. — Как, бывало, хорошо жилось, пока эти черти не появились... Отработал, получил свое и спокоен: стаканчик абсента, музыка, в кегли партийку сразишься — пришли эти дьяволы и все сверху ногами поставили...

— И прекрасно!.. — крикнул молодой болгарин-анархист.

— Лучше погибнуть, чем жить так, как жили прежде...

— И черт с тобой, погибай... — снова яростно закричали рабочие. — Зачем же ты сюда убежал? И погибал бы...

— Вы не покинете меня? — незаметно пожав князю руку, прошептала Ирмгард.

— Если бы я даже этого и захотел, я не мог бы... — восторженно глядя на нее, так же тихо отозвался князь. — Сперва я устрою вас где-нибудь в глуши, в безопасности, а потом приступлю к организации отряда партизанов... Но буду близко к вам, — иначе я не могу жить теперь...

— Милый... — тихо прошептала девушка и усталые глаза ее просияли счастьем.

— Смотрите, еще кто-то идет... — слышался чей-то голос.

Раненый офицер, ковыляя, подходит к роще и

устало опускается на землю.

— Ну, что, как там? — тускло спросил кто-то в багровом сумраке. — Есть еще надежда?

— Все погибло... — безнадежно махнув рукой, устало сказал офицер. — Они истребляют все живое и зажигают город со всех концов. И я думаю, господа, что оставаться тут небезопасно, — их разъезды рыщут уже по окрестностям.

— Вот, вот... — раздались голоса со всех сторон. — Мы говорили, что надо бежать дальше. Нет, и в слепую тоже идти нельзя, — пусть пойдут сперва в разведку несколько человек, — посмотрят, свободны ли пути на юг и запад. Кто пойдет?

— Я пойду... — сказал князь Глеб. — А со мной вот вы, вы и вы... — указал он на нескольких солдат. — Я сейчас же вернусь... — тихонько сказал он Ирмгард.

И, когда разведчики ушли, раненый офицер тусклым голосом измученного человека сказал:

— Вы не можете себе представить той ярости, которая овладела этими дикарями!.. Я видел, как вонючая толпа их валила на землю Вандомскую колонну. Из разбитых окон Лувра летели на мостовую картины, статуи, драгоценные коллекции, мумии и все это тут же сваливалось в кучу и зажигалось... Триумфальная Арка взорвана и колесница славы лежит на окровавленной мостовой. От сгоревшей Мадлэн остались только

стены и колонны и жутко смотрят с закоптелого фронтона слова: «Свобода, Равенство, Братство», а вокруг, среди бесчисленных баррикад, тысячи трупов французов, немцев, англичан, русских, венгерцев, румын, бельгийцев, сербов... Европейцы дрались с мужеством обреченных на смерть, но ничто не могло одолеть этой страшной бесчисленной саранчи... Но чума среди них действительно ужасная...

— Да ведь не только среди них... — уныло заметил профессор Шульц.

— Конечно, заболевают и европейцы, но значительно меньше... — с неудовольствием отвечал раненый.

Чудовищный взрыв потряс все вокруг.

— Боже мой!.. Господи, пощади!.. — падая на землю, с отчаянием вопили люди. — Дети, где вы, детки мои?.. А-а-а-а!.. О, Боже, какая мука!..

— Спасайтесь!.. — в ужасе крикнул молодой рабочий, вбегая. — Их разьезды совсем рядом... Скорее!..

— А как же Глеб? — в тоске подумала Ирмагд, заметавшись. — Что же делать?

Среди невероятного смятенья и криков ужаса, побросав последний скарб, несчастные разбегаются, — кто в рощу, кто по вдруг опустевшей дороге.

— Скорее, скорее... — вбегая, повторял

профессор. — Ирм-гард, не отставай же...

И почти в то же мгновение из кустов показался разъезд под командой маленького, чистого японского офицера. Среди всадников тунгусы, калмыки, башкиры, якуты, китайцы, — пестрая, косоглазая, спокойно-жестокая азиатская орда. Они с любопытством посмотрели на брошенный беженцами скарб. Один из всадников ударом плети выгнал из кустов профессора Шульца.

— Господин офицер, — на ломаном английском языке залепетал перепуганный профессор. — Я хотел... я вернулся сюда только... захватить мои рукописи... плод тридцатилетней работы... Ничего нелегального... Это труд о духовномонистическом понимании мира...

Офицер бесстрастно бросил какое-то короткое горловое слово. Один из якутов поднял свой коротенький карабин, выстрелил и профессор Шульц упал на свой старенький чемоданчик. Разъезд тотчас же шагом поехал дальше. Вдали все охали взрывы...

Из кустов, осторожно озираясь по сторонам, вышел бледный и встревоженный князь Глеб и в ужасе остановился над брошенным беженцами скарбом.

— Ирмгард!.. — тихонько позвал он.
Молчание. Зарево. Взрывы.